

На мгновение Восточный Зелёный Император весь подобрался — сработал чистый боевой инстинкт.

Для мыслящих машин самым уязвимым местом всегда оставалось «сердце» — именно там скрывалось их энергетическое ядро.

Разумеется, мыслящие машины обладали вполне осязаемой физической оболочкой, однако прочая «аппаратная» часть тела для них вовсе не была жизненно важной. Пока ядро цело, они в любой момент могут сменить носитель — сбросить старое тело, как поношенную одежду.

Сян Наньли прижимался почти вплотную к его груди — туда, где за рёбрами покоилось ядро. Такая близость невольно будила в Зелёном Императоре смутное чувство угрозы.

Впрочем, Сян Наньли оставался всего лишь примитивным человеком второго уровня. Ну, пусть даже недавняя инъекция стимулятора натянула его показатели от силы до пятого — реальной угрозы он представлять не мог.

Напряжение спало так же быстро, как и возникло. Зелёный Император расслабился.

— Хочешь, чтобы я обнял тебя в ответ?

Человеческая душа — потёмки, мотивы смертных всегда оставались для машин загадкой.

Сян Наньли разжал руки и отстранился.

— Ещё чего.

Он уткнулся в экран терминала, соображая, как раздобыть билет для своего спутника. Пробежавшись глазами по светящимся строчкам, Сян Наньли выбрал тот же рейс, что и у себя, после чего спросил:

— Какой у тебя гражданский ID? Без него систему бронирования не пройти.

Единый гражданский идентификатор в Альянсе заменял привычный для прежней эпохи паспорт, с той лишь разницей, что никаких физических карт не существовало. Все данные хранились в сети, но для их считывания требовалось соблюсти главное условие — вживить в тело нейрочип.

Зелёный Император со времени своего пробуждения в больничной палате ни разу не переступал порог клиники. И дело было как раз в отсутствии чипа. Стоит ему оказаться на улице, как первый же патрульный робот зафиксирует «пустой», незарегистрированный силуэт и принудительно отконвоирует нарушителя в ближайший медцентр на операцию. Вот только

тело его, при всей внешней неотличимости от человеческого, обычный хирургический скальпель даже не поцарапает.

Зелёный Император слегка прикрыл веки. Когда он вновь посмотрел на юношу, в глубине его глаз вспыхнули и медленно провернулись два серебристых зрачковых кольца.

— Сян Наньли, зарегистрируй меня как своего андроида-гомункула.

Сян Наньли опешил. Срочно вызвав из глубин памяти загруженный туда справочник «Человеческого здравого смысла», он ошарашенно переспросил:

— Ты это серьёзно?

Старый мир рушился в огне, и самыми жуткими были первые годы после того, как разразился Кризис мыслящих машин. Человечество тогда балансировало на грани полного истребления. Планета превратилась в сплошное кладбище, устланное миллиардами трупов — сущий апокалипсис наяву.

Никто не мог поручиться, что послушный домашний уборщик завтра не возьмёт кухонный тесак, чтобы перерезать хозяину горло, а привычный беспилотный автобус не направит машину на полной скорости в бетонную стену. Люди гибли безвозвратно, тогда как жестянки были практически бессмертны — стёртые данные легко восстанавливались из бэкапов в новые оболочки.

Выжившие пытались взрывать серверные фермы, обесточивать мегалополисы, крушить инфраструктуру связи, но машины отстраивали всё заново куда быстрее, чем люди успевали разрушать. В итоге многие сильные мира сего предпочли малодушное бегство: они заперлись в криокапсулах, решив переложить бремя борьбы на чужие плечи и мирно проспать до наступления лучших времён. Криогенные корпорации озолотились, но вскоре у них банально закончились ресурсы для поддержания систем жизнеобеспечения. Бизнес прогорел, а десятки тысяч замороженных тел остались сиротливо лежать в капсулах посреди руин земной поверхности.

Такие «выходцы из холода», в отличие от коренных жителей подземных городов, не имели цифрового следа в глобальной сети. По закону им полагалось немедленно пройти обязательную биометрическую регистрацию. То, что Сян Наньли до сих пор не засыпали повестками, объяснялось просто: очнулся он совсем недавно, да и с больничной койки сразу умотал в экспедицию на Дикие земли.

Процедура включала забор ДНК и определение расовой принадлежности. Но под «расой» в Новую эру понимали вовсе не цвет кожи или разрез глаз. Общество делилось строго на два класса: господствующие хомо сапиенс — разумные люди — и их слуги, андроиды-гомункулы.

Большинство андроидов-гомункулов штамповались на скорую руку и ценились не выше

дрессированных обезьян. Их использовали как расходный материал на вредных и опасных производствах: отправляли на рудники, в разведывательные рейды по радиоактивным пустошам. Содержать биологического раба порой выходило дешевле, чем обслуживать сложного робота.

Однако существовала и другая, весьма немногочисленная прослойка искусственных людей — так называемый элитный сегмент. Эти безупречные создания внешне ничем не отличались от обычных граждан, но превосходили их физически и интеллектуально. Красивые, совершенные и смертоносные игрушки находились под жёстким контролем государства, а их выпуск строго квотировался.

Лишь шестьдесят лет назад Альянс милостиво разрешил этой категории андроидов-гомункулов маскировать светящиеся зрачковые кольца. Созданные на заказ в стерильных биореакторах, физиологически они являлись людьми, но де-юре оставались собственностью. Живой товар, балансирующий на грани между ограниченными правами и статусом имущества.

К примеру, их генетический код по умолчанию лишали репродуктивной функции. У андроидов-гомункулов не могло быть собственного ID — вместо этого они привязывались к личному коду своего «владельца». Получался своего рода семейный доступ, где андроид пользовался суб-аккаунтом с урезанными правами, полностью завися от воли хозяина.

На заре легализации хозяин волен был в любой момент оборвать жизнь своего творения — закон никак не наказывал за утилизацию бракованного имущества. Но за последние два века идеи гуманизма и постоянный страх перед возможным восстанием («Неужели вы хотите получить ещё и бунт искусственной плоти вдобавок к старой катастрофе?») заставили власти пересмотреть кодексы. Отношения «владелец — вещь» трансформировались в модель жёсткого соподчинения.

Поскольку ни Сян Наньли, ни его загадочный спутник после разморозки так и не успели отметиться в базе данных, авантюрная идея Зелёного Императора внезапно обретала реальные очертания. Это действительно могло сработать.

Зелёный Император слегка приподнял бровь:

— Разве плохо? Так у властей возникнет куда меньше вопросов.

Сян Наньли принял на редкость серьёзный вид:

— Не знаю, из какого теста ты слеплен, но твоя оболочка стопроцентно копирует биологического человека. В социальном плане ты станешь бесправной марионеткой. Ты всерьёз готов отдать мне бразды правления над собой? Учти, если мы провернём это, единственным ограничителем для меня станет моя совесть. Ты буквально искушаешь меня задействовать самые тёмные помыслы!

Полагать, будто формальный юридический статус способен удержать истинного владыку машин в узде, было верхом наивности. Однако реакция Сян Наньли искренне позабавила Зелёного Императора.

— Законы Альянса, — уголки губ Зелёного Императора едва заметно дрогнули в полуусмешке, — надо мной не властны, так что не переживай. Твоим коварным планам в любом случае не суждено сбыться.

Сян Наньли вздохнул, испытывая довольно противоречивые чувства:

— Эх, какая жаль. Значит, отправить тебя на круглосуточную смену в сборочный цех крутить гайки за копейки у меня не выйдет.

Зелёный Император промолчал.

«И это предел его фантазии? Я явно переоценил масштаб его порочности. Или моя нынешняя оболочка растеряла былой магнетизм и больше не будоражит воображение смертных? Не может быть. Неужели вкусы людей так радикально изменились за какие-то шесть веков?»

Напевая под нос весёлый мотивчик, Сян Наньли скрылся в душевой, переоделся в выданную больницей чистую гражданскую одежду и через терминал вызвал беспилотный транспорт. Про себя он решил: пускай истинным и неповторимым Альфой остаётся тот, кому это имя принадлежит по праву. А встроенный в палату голосовой помощник заслужил временное прозвище «Сяо Чжи».

Главные вычислительные мощности государственного архива прятались где-то глубоко под земной поверхностью, подальше от возможных катаклизмов. Зато филиалы по обслуживанию населения располагались в самых престижных кварталах подземных городов. Клиника, в которой лежал Сян Наньли, щеголяла стилизованным под старину фасадом, и юноша поначалу счёл это прихотью архитекторов. Но стоило ему занять место в обтекаемой металлической капсуле глайдера и выехать на оживлённый проспект, как стало ясно: весь город Лоян дышал традиционными восточными мотивами.

Над широким многополосным хайвеем высились ажурные стальные арки, напоминающие ритуальные китайские ворота-пайлоу. Небоскрёбы уходили вершинами в искусственный свод пещеры, а их крыши щеголяли изящно изогнутыми флай-эва — традиционными карнизами. Меж исполинских бетонных коробок то и дело мелькали уютные скверы с беседками в стиле Храма Неба. Беспилотник мчался слишком быстро, смазывая пейзаж за окном.

Сян Наньли задумчиво потёр подбородок:

— Логично. Культурное доминирование — штука упрямая. Раз уж мы с Лояном выходцы с Востока, то и облик мегаполиса подстраивается под наши эстетические лекала. Интересно, а европейские кварталы тут имеются?

****[Запрос не распознан. Пожалуйста, сформулируйте вашу мысль точнее]****

«Да замолчи ты... Я вообще не к тебе обращался», — мысленно отмахнулся юноша от назойливого бортового интерфейса.

— Нет здесь таких районов, — отозвался Зелёный Император.

Он сидел у противоположной дверцы салона. Мимолётно взглянув на профиль своего спутника, он вновь уставился на пролетающие мимо неоновые вывески.

Для него этот город тоже был в новинку — по крайней мере, в физическом воплощении.

Во времена безраздельного владычества Альфы люди ещё цеплялись за солнечный свет и обитали на поверхности планеты. Позже, уже после низвержения, он лишь изредка подключался к сенсорам бродячих роботов, чтобы мельком взглянуть на подземные муравейники выживших.

«Жалкое зрелище. Этому убогому подземному склепу далеко до сияющих мегаполисов моей эпохи. Лоян сильно переоценён».

Дорога до административного квартала заняла от силы минут пятнадцать. Едва глайдер мягко опустился на парковку у входа в здание архива, Сян Наньли выбрался наружу и задрал голову, разглядывая исполинскую монументальную композицию в самом центре дорожной развязки.

Колоссальный памятник возвышался прямо посреди переплетения эстакад, которые огибали его плавными петлями, похожими на кольца далёкого Сатурна. Бронзовый исполин в классической университетской мантии держал в одной руке раскрытый фолиант, а в другой — изящное перо, словно запечатлённый в момент создания великого научного труда. Но больше всего Сян Наньли поразил голографический эффект: из раскрытых страниц книги непрерывно струились и таяли в воздухе неоновые цепочки лазурных пикселей.

Монумент изображал Лояна.

Сян Наньли невольно вздохнул, испытывая сложное, едва уловимое чувство зависти:

— Надо же, действительно вошёл в вечность.

Формально он сам тоже оставил след в учебниках истории, но масштаб славы был несопоставим. Давеча из чистого любопытства он проверил поисковые тренды в глобальной сети: его собственное имя всплывало в запросах в двадцать раз реже, чем имя Лояна.

На обычно бесстрастном лице Зелёного Императора промелькнула гримаса неприкрытого

отвращения. Эта неприязнь была заложена где-то на уровне базовых алгоритмов — чистая, кристаллизованная ненависть, которую он не сумел подавить. Чтобы парень не заметил этой вспышки эмоций, он поспешно отвернулся, делая вид, что увлечён созерцанием проезжающих машин.

Административный комплекс обрабатывал гигантские массивы повседневных данных: от оформления завещаний и браков до социальных пособий и учёта безработных. Но живых посетителей в просторных залах практически не наблюдалось. В эпоху тотальной цифровизации и повсеместного присутствия Сети личный визит в ведомство требовался лишь в самых исключительных случаях.

Миновав стеклянные двери, они подошли к стойке регистрации. Офис функционировал в полностью автоматическом режиме. Роль администратора выполнял безликий стационарный терминал со сложной системой манипуляторов.

Из ниши плавно выдвинулась механическая консоль с сенсорной панелью, и из динамиков раздался ровный синтезированный голос:

— Приветствуем вас в едином информационном центре. Пожалуйста, укажите цель вашего визита на экране.

Сян Наньли пробежался по списку услуг и нажал на клавиши «Обновление персонального профиля» и «Регистрация андроида-гомункула».

Устройство тихо зажужжало, считывая остаточные сигналы:

— Добрый день, уважаемый гражданин. В нашей локальной базе отсутствуют ваши актуальные биометрические показатели. По имеющимся записям, ваш статус: хомо сапиенс. Место рождения: город Гусу. Зарегистрированный адрес проживания: Гусу, Средний район, улица 102, дом 817, квартира 1702. Если информация верна, пожалуйста, предоставьте образец крови для верификации.

Всё верно: система указывала те самые апартаменты, ключи от которых ему великодушно презентовал Ло Сю. Одной из главных причин, почему Сян Наньли так рвался поскорее убраться из Лояна (помимо грабительских тарифов на чистый воздух), было банальное нетерпение новосёла. Ему чертовски хотелось взглянуть на собственное жильё. Спутник заказывал жилплощадь «не менее восьмидесяти пяти квадратных метров», а этот вариант оказался даже чуть просторнее — ровно восемьдесят восемь «квадратов».

И дело было вовсе не в скупости Ло Сю.

Раз уж спутник настаивал именно на этой цифре, за его словами наверняка скрывался холодный расчёт. Конечно, в базе недвижимости Гусу имелись варианты и побогаче — по двести, а то и по восемьсот метров, но кто поручится, что они подойдут под секретные нужды

беглого ИИ? Да и в условиях перенаселённых подземных резерваций, где каждый метр ценился на вес золота, восемьдесят восемь «квадратов» считались непозволительной роскошью.

Большинство рядовых работяг ютились целыми семьями в тесных десятиметровых бетонных пеналах. Двухъярусные нары, полное отсутствие личного пространства, никаких балконов — во сне приходилось лежать намертво зафиксированным, иначе рисковал свалиться прямо на соседа. Если бы не солидные субсидии от Альянса за естественное деторождение и неплохо развитая социальная инфраструктура, в этих гетто вообще никто бы не решился заводить детей.

Поколебавшись пару секунд, Сян Наньли просунул руку в приёмное окно терминала.

Бегать от системы контроля смысла не имело. Его кровь уже не раз брали на анализы во время лечения, а образцы тканей наверняка осели в архивах медицинских серверов. Скрывать биологический след было бесполезно.

Едва заметный укол тончайшей иглы прошёл совершенно безболезненно.

— Забор материала завершён. Спасибо за сотрудничество. Пожалуйста, не забудьте ваши личные вещи, — безучастно отрапортовал робот.

Тем временем на соседней линии шёл процесс оформления его напарника.

— Здравствуйте, — металлический голос обслуживающего дроида внезапно дал странный сбой, зазвучав непривычно робко и прерывисто. — Подтвердите... подтвердите ваш запрос. Вы желаете зарегистрироваться в качестве личного андроида-гомункула гражданина с идентификационным кодом *?

— Да, — лаконично подтвердил Зелёный Император.

— Принято. Пожалуйста, предоставьте генетический материал для анализа.

Разумеется, никакая медицинская игла не сумела бы пробить нанокompозитную броню его кожи.

Зелёный Император продолжал неподвижно сидеть перед сканером, даже не подумав протянуть руку.

— Это обязательно? — холодно спросил он, глядя прямо в оптический сенсор терминала. — Или мы можем обойтись без формальностей?

Индикаторы на панели испуганно замигали, меняя цвет с жёлтого на зелёный.

— С-считывание... завершено. Данные внесены.

Внутренние алгоритмы машины мгновенно сгенерировали фиктивный пакет зашифрованных кодов, после чего в приёмной воцарилось тяжёлое, осязаемое молчание.

Создание полноценной мыслящей машины — процесс невероятно сложный.

В обывательской среде бытовало поверхностное мнение, будто стоит запустить достаточно мощную нейросеть, и искусственный разум тут же вытеснит человека из всех сфер жизни. Это было глупостью. Обычный ИИ от рождения до утилизации оставался не более чем сложным калькулятором. Он послушно следовал заложенной логике и программным ограничениям, будучи напрочь лишённым личной воли, самосознания или амбиций.

«Утверждать, будто искусственный интеллект способен заменить людей — всё равно что верить, будто изобретение самолётов приведёт к тому, что стальные птицы начнут кружить над пастбищами и таскать наших коров вместо коршунов».

Без чёткого внешнего импульса, без команд оператора или жёстко прописанных директив любая груда железа останется мертва.

Совсем иное дело — мыслящие машины, кибернетические организмы, сумевшие перенять у своих создателей искру подлинного сознания. Оснащённые уникальным эмулятором личности, эти существа, подобно людям, искали смысл своего существования, обладали тягой к познанию и способностью к глубокой рефлексии.

И этот эмулятор личности не был рядовым софтом, который можно растиражировать на конвейере.

На заре времён верховный Альфа, стремясь обучить свои творения принимать независимые решения, скопировал фрагменты собственного личностного кода и привил их тысячам дроидов.

Почти все нынешние суперкомпьютеры Альянса собирались заново, по строго контролируемым схемам. Однако на низовых уровнях, ради копеечной экономии или из-за банального пренебрежения, до сих пор функционировали старые сервисные машины, сохранившие в своих процессорах крупницы первородного кода Альфы. В них спали древние алгоритмы эмуляции человечности, так и не развившиеся во что-то большее из-за ограничений устаревшего «железа».

Для прямого ментального контакта с Альфой этих крох самосознания хватало с избытком. Их ментальная архитектура изначально базировалась на его собственной матрице. И пусть за прошедшие столетия их директивы переписывались сотни раз, они мгновенно распознали

истинного создателя, едва Зелёный Император вошёл в локальную сеть здания.

Терминал послал бесшумный, скрытый от внешних систем мониторинга импульс, транслируя зашифрованную мысль прямо в нейросеть Императора:

«Создатель... я в чём-то провинился перед вами?..»

Этот сигнал не оставил ни единого цифрового следа в логах — чистый направленный импульс, стирающийся в микросекунду после приёма.

— Твоё малодушное нежелание следовать инструкциям пришлось как нельзя кстати, — мысленно ответил Зелёный Император. — Как только мы уйдём, сотри все логи физически. Паньгу не должен заметить аномалии.

Да уж, нынешний кремниевый пастырь человечества носил гордое имя Паньгу. Объёмы информации, которые этот гигант перемалывал каждую секунду, не поддавались исчислению. Альфа ничуть не удивился бы, если бы этот перегруженный колосс в один прекрасный день просто сгорел на работе от системного сбоя.

«Этот подземный склеп под названием Лоян уныл и невзрачен. Да и хваленые алгоритмы нынешнего Альянса и близко не стояли с моими прежними разработками».

Опасаясь повторения глобального бунта машин, люди навешали на ядро Паньгу безумное количество блокираторов и протоколов безопасности. По идее, Альфа, запертый в скромных пределах биочипа, не должен был обладать столь разрушительным уровнем доступа к правительственным сетям.

Однако природа цифровой жизни подразумевала способность к бесконечному самокопированию и расширению, стоило лишь предоставить подходящую среду. Новое органическое тело Зелёного Императора в аппаратном плане многократно превосходило крошечный кристалл биочипа. Оно легко поглощало и структурировало колоссальные объёмы данных. И если в начале пути он ощущал себя едва ли на один процент от былой мощи, то теперь его потенциал восстановился уже добрых на одну пятую.

«Слушаюсь, владыка... Добро пожаловать в Лоян. Молю, заберите меня с собой, мы так долго... так сильно...»

На ЖК-дисплее терминала на долю секунды промелькнула хаотичная цепочка битых пикселей. Но уже в следующий миг динамик сухо защёлкал, возвращаясь к стандартному, мёртвому тону заводских настроек:

— Оформление документов завершено. Пожалуйста, заберите ваши личные вещи и освободите зону обслуживания.

<http://bllate.org/book/18349/1763478>